

ДИСКУССИИ

УДК 81-112.2

Л.П. Дронова

СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ: ОТЛОЖЕННАЯ ВСТРЕЧА?

Успехи современной семантики, лингвокогнитивистики («сверхглубинной семантики») с ее основополагающим тезисом о влиянии когнитивных факторов на возможности семантического развития слова актуализируют проблему соотношения синхронного и диахронного подходов к анализу языка. Шагом в решении этой проблемы видится преодоление односторонности в вузовской подготовке лингвистов (филологов).

Ключевые слова: синхрония, диахрония, семантическая реконструкция, когнитивная лингвистика, вузовское преподавание.

Признание соотношения синхронного и диахронного аспектов рассмотрения языковых явлений «узловым вопросом всего теоретического языкознания» на известной дискуссии 1957 г. для настоящего времени, казалось бы, потеряло свою значимость и остроту. Вряд ли кто-то решится теперь оспаривать обобщающее мнение участников той дискуссии, сформулированное в докладе Б.В. Горнунга: «...каждый факт языка и существует, и может быть понят в системе только при определении его двумя типами связей – связей с другими элементами системы, в которую он входит в данный исторический момент, и связей с предыдущим и последующим состоянием самого этого факта» [1. С. 11]. Более того, в отечественной лингвистике обращение к фактам диахронии в синхронном семантическом описании уже определяется как идея, которая «носится в воздухе» [2. С. 13]. Формирование представления об антропоцентричности языка как преломлении реального мира в сознании субъекта и фиксации его в языке в виде субъектно (и этнически) ориентированных понятий, представлений, образов, концептов, моделей, движение от «как-лингвистики» к «почему-лингвистике» (по образному выражению А.Е. Кибрика) заставило пересмотреть соотношение синхронического и диахронического факторов в лингвистике.

Приоритет начинают отдавать диахроническому фактору: механизм языковых изменений, вариативности, подчиняющейся определенным регулярным тенденциям, – эти причинно обусловленные движущие силы объясняют многие явления, происходящие на синхронном уровне. Лингвокогнитивистика в разных своих направлениях, начиная с теории прототипов и категориальной семантики Э. Рош, пришла к заключению, что возможности семантического развития слова заложены в его исходной семантической структуре и система производных значений есть следствие импликаций исходного значения. Как отметил в конце 90-х гг. В.А. Плунгян, «для когнитивной теории диахронический аспект описания языка становится едва ли не более важным, чем синхронный аспект: во многом возвращаясь к принципам лингвистики XIX в., это направление провозглашает, что для объяснения языковых явлений апелляция к происхождению этих фактов становится одним из основных исследовательских приемов» [3. С. 355].

Оборотной же стороной этого широкого интереса к этимологии является значительное увеличение числа случаев некорректного использования материала и предлагающихся решений из этимологических словарей, что ведет в конечном счете к антиисторизму исследований и обесценивает предлагаемые когнитивные построения. В этой ситуации следует вспомнить мнение В.Н. Топорова о том, что «подлинный историзм связан с определением последовательности способов моделирования окружающего мира, насколько это отражается в истории лексики и, как частный случай, при создании новых слов» [4. С. 51].

Этот антиисторизм имеет объективные причины: лингвистика много десятилетий была преимущественно «как-лингвистикой», ориентированной на синхронное изучение языка, системно-структурный подход к фактам языка. И многие поколения будущих лингвистов, начиная с курса «Введение в языкознание», знакомились лишь с приемами структурного метода применительно к разным уровням языка (приемы анализа синтагматических, парадигматических отношений, компонентный анализ семантики и т.д.). В вузовских лингвистических курсах (учебниках), по которым учатся будущие лингвисты, контрастивно не представлены процедуры диахронического подхода к языку, аксиоматика современного сравнительно-исторического метода (соотношение внутренней и внешней реконструкции, поэтапность реконструкции – постепенность возведения к архетипу, учет ареальных и типологических характеристик изучаемой языковой ситуации и т.д.).

При такой подготовке и получаем в многочисленных исследованиях концептов представление их эволюции как вытекающее из сопоставления семантики лексем, выражающих этот концепт в современном языке, с реконструированной семантикой индоевропейского корня (!), без промежуточных реконструкций, без внутренней реконструкции, игнорируя разрыв между сопоставляемыми в 5–6 тысяч лет. То есть нет знания специфики собственно реконструкции в компаративистике и ее отграничения от диахронической интерпретации.

Собственно реконструкция предпринимается с целью исторического истолкования соответствий, зафиксированных в фактической данности родственных языков и построения некоторого архетипа (праформы). Диахроническая интерпретация (термин О. Семереньи) располагает не реальным языковым субстратом, необходимым для выполнения реконструкции, а оперирует только архетипами и используется при желании углубить диахроническую перспективу исследования за счет проникновения в хронологически более отдаленные этапы праязыкового состояния. «Дифференциальный признак архетипа подчеркивает его гносеологическую функцию – служить историческим объяснением реально засвидетельствованных языковых форм, в отличие от конъектурной диахронической интерпретации, уже лишенной этой функции» [5]. А конъектура – это предположение, догадка без возможности верификации, и требуется пользоваться ею с осторожностью и после собственно реконструкции.

Даже в работах известных и цитируемых авторов отечественной когнитивной лингвистики можно встретить некритичное использование предложенных кем-то этимологических решений, не соблюдающих основной прин-

цип исследования генетических связей – определение их только в рамках минимальных значимых единиц языка. Если в результате соответствующих процедур определены границы реконструированной морфемы/архетипа, те, кто использует этот архетип в своих построениях, не вправе менять его форму по своему усмотрению. С реконструкциями недопустимы операции такого типа: предположим, есть корень *gaz-/ *раз-, отбросим начальный согласный и сопоставим с праслав. *азь ‘я’ и получим удивительные «когнитивные» выводы. К сожалению, такого рода сопоставительные фокусы встречаются не только в шоу Михаила Задорнова. Теоретически признанная взаимодополнительность синхронного и диахронного подходов к фактам языка в практической реализации искажается, не получает историко-культурной детерминации. Получается, что то, что является пройденным этапом для собственно компаративистики («корневые» этимологии), становится снова актуальным в связи с новой волной интереса к этимологическим исследованиям.

Сложность «встречи» на новом уровне синхронии и диахронии проявляется не только при использовании семантических реконструкций в интерпретационной лингвистике, но и в рамках создания синхронно-диахронного направления исследований языка, интегрированного метода (куда входят, по О.Н. Трубачеву: 1) генетическое сравнение, 2) внутренняя реконструкция, 3) структурная типология). Дело в том, что не меньший урон наносит диахроническому (этимологическому) анализу отсутствие в нем «синхронной» части, т. е. если оно не имеет (не учитывает) системного описания особенностей функционирования в современном языке предмета исследовательского внимания. Яркий пример тому приведен в одной из последних статей О.Н. Трубачева, показавшего, как проведение внутренней реконструкции, выяснение особенностей функционирования слова в синхронии разрушило одну из этимологических мифологем.

Речь идет о пересмотре этимологического решения для слова *врач*, относительно которого в настоящее время в этимологической литературе как будто достигнуто было полное единогласие: вместе с болг. *врач* ‘колдун’, с.-хорв. *врач* ‘прорицатель’, словен. *vtáč* ‘врач’ и ст.-слав. *врачь* ‘лекарь’ оно связывается с рус. *врать* или *ворчать* (первоначальное значение могло быть ‘защититель, колдун’) и вся эта группа восточно- и южнославянских слов (в западнославянских нет соответствий) определяется как продолжение и.-е. *ueg-, *vǵā- ‘говорить, вещать’ (М. Фасмер, П.Я. Черных, Ст. Младенов и др.). Но использование возможностей внутренней реконструкции привело этимолога к отказу от принятой внешней реконструкции (*врач* < *врать*): выяснилось, что «*врать* – только великорусское слово, возможно, местная семантическая эволюция древней основы и.-е. *ueg- ‘говорить’, неизвестная южнославянским языкам, в то время как *врачь* – исключительно южнославянское слово, в восточнославянском – пришлый элемент» [6. С. 789–790]. Для семантической реконструкции показательно, что болг. *врач* ‘колдун’, ‘знахарь’, с.-хорв. *врач* ‘прорицатель’, а ‘врач’ – болг. *лекар*, с.-хорв. *lèkār*, как и в других славянских языках. В итоге О.Н. Трубачев приходит к выводу о том, что ст.-слав. *врачь* (и близкие формы) является изолированным словом и пришлым элементом не только в древнерусском (церковнославянском), но и в южно-

славянских [6. С. 790–793] (ср. собственно славянского происхождения ст.-слав. *балии* ‘врач’, родственное рус. *баять, басня*).

Важное для когнитивной интерпретации определение типов первичной мотивации в каком-либо семантико-понятийном поле (как выявление когнитивных факторов на возможности семантического развития слова) без обращения к внутренней реконструкции приводит к результату неverifiedируемому, основанному не на анализе системных отношений, а на некоем моменте формального сходства или на установлении «шагов» семантического развития с высоты логики-семантических связей современного носителя языка, подведения под известную мегамодель типа «свой – чужой», «высокий – низкий», реализующие общую оценку «хороший – плохой». Пример можно привести хотя бы с тем же прилагательным *плохой* и его предполагаемой семантической моделью на основе «голой» внешней реконструкции. В рассматриваемом случае точка отсчета – утверждение, что «этимологизация рус. *плохой* встречает серьезные затруднения». Далее, не анализируя эти затруднения и не пытаясь с ними разобраться в рамках русского языка и его истории, сразу предлагается этимологическое решение для *плохой* на основе внешнего сопоставления, которое, в свою очередь, также системно не анализируется: «Фонетически это слово соответствует чешскому *plochý* ‘плоский’. Rejzek (477) принимает тождество этих слов, указывая на их этимологическую связь с **ploskъ* ‘плоский’. Если согласиться с этой гипотезой, надо ориентироваться на «пространственную аксиологию», согласно которой «высокий» имеет положительную оценку, а следовательно, «плоский» (находящийся возле «низкого») может иметь отрицательную» [7. С. 464].

Во-первых, «плоский» не обязательно рядом с «низким» (ср.: *плоского-рье*). Во-вторых, остается неясным, где, в какой языковой системе и при какой историко-культурной детерминированности могло таким образом возникнуть значение общей отрицательной оценки, с чем связана столь поздняя фиксация прилагательного *плохой* в памятниках письменности (XV–XVI вв.) и мог ли признак ‘плоский’ стать формирующим модель общеприцательной оценки в великорусский период? Те же вопросы остаются при определении «пошагового», «градуального» изменения значения (‘плоский, ровный, открытый, незащищенный, плохо, без присмотра лежащий, плохой’) для доказательства того, что и чеш. *plochý* ‘плоский’, и рус. *плохой* ‘нехороший, негативный, отрицательный, вызывающий осуждение’ могут относиться к праслав. **ploхъ* (вариант к **ploskъ*) ‘плоский’ [8. С. 8]. И в том и в другом варианте предлагаемого решения не приводятся ранние, известные истории русского языка, примеры этапа нейтрализации значений ‘плоский’ и ‘плохой’, кроме относительно позднего выражения *плоская шутка* (вероятно, семантическая калька с французского *plat* ‘плоский, ровный’ и ‘пошлый, заурядный’) [9. С. 149–157] (подробнее об истории этого слова и проблемах его этимологизации).

Пример с определением семантического типа, модели прилагательного *плохой*, существительного *врач* актуализирует еще один аспект проблемы подготовки лингвиста-исследователя: современное диахронное исследование, претендующее на подлинный историзм, который, по мнению В.Н. Топорова, связан с определением последовательности способов моделирования

окружающего мира, конечно же, должно опираться (или иметь в «подтексте») на какое-то общее представление об исторической стратификации языкового пространства, по отношению к которому выполняется диахронное построение. Отсюда следует, что и проблема прародины носителей конкретного языка – понятие не столько географическое, сколько культурно-историческое. Если говорить о славянской прародине, то здесь достигнуты серьезные успехи в последние десятилетия, успехи междисциплинарные – лингвистов, историков, археологов, антропологов. Пример этому – итоговая монография «Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования» (1991; 2002) О.Н. Трубачева, в которой автор, опираясь на свой опыт многолетней работы над «Этимологическим словарем славянских языков», очерчивает праславянскую территорию внутри контактной зоны (меняющей свои границы) праславян с балтами, германцами, иллиро-венетами, иранцами (скифами, сарматами), кельтами.

Как известно, идея системного подхода к анализу фактов языка оказалась чрезвычайно плодотворной и в историческом языкознании, и в этимологии. «Преимущество от изучения этимологически или семантически связанных друг с другом слов, образующих определенную «микросистему», заключается в том, что можно извлечь дополнительную информацию о данном слове из сведений о других словах, связанных с первым. Кроме того, поскольку точное определение слова только извне невозможно, оказывается весьма полезной информация о целом, в которое входит данное слово» [4. С. 53]. Соответственно, и несистемность этимологии – кажущаяся, это «не хаос капризных случайностей, а исторический результат борьбы многих развивающихся, сталкивающихся и взаимопроникающих систем, результат не застывший, а находящийся в движении. Но этим этимология не отличается от любой другой системы: неподвижных систем нет» [10. С. 232].

Не опирающиеся по объективным причинам на анализ системных отношений этимологические словари и специальные лексикологические исследования славянских языков создают богатую эмпирическую основу для семантической реконструкции и содержат ценные частные наблюдения, ожидающие систематизации и теоретического осмысления. Почему это только основа? Об этом говорит С.М. Толстая, определяя задачи современной семантической реконструкции (2003): «Этимологические словари праславянской лексики приводят для каждого трактуемого слова сводку его значений, засвидетельствованных во всех славянских языках (на диалектном уровне). Что представляют собой эти наборы значений, какую языковую реальность они отражают? Сами словари не дают ответа на эти вопросы, не ставят своей задачей анализ этих наборов значений, их структурную, хронологическую, ареальную стратификацию, установление исходных праславянских значений (и далее их связи с индоевропейскими значениями) и мотивированности по отношению к ним и друг к другу всех остальных значений, не формулируют методики соответствующих процедур» [11. С. 550].

С одной стороны, этимологи работают над совершенствованием лексикографической практики, ищут более совершенные и полные варианты «упаковки» историко-этимологической информации (ср. Ж.Ж. Варбот о

морфо-семантическом поле лексемы в этимологическом словаре... [12. С. 60–65]). Но, с другой стороны, сказывается положение этимологии в кругу лингвистических дисциплин – особое, обусловленное тем, что понимание целей и задач этимологии, принципы анализа материала в гораздо большей степени, чем в других областях языкознания, унаследованы ею от XIX в. По мнению В.Н. Топорова, «отсталость» этимологии проявляется, возможно, лучше всего в том, что до сих пор большинство исследователей явно или тайно основную задачу этимологии видят в поиске этимона, и эволюционный (экстенсивный) характер развития этимологии в настоящее время объясняется прежде всего «недостаточным, а иногда довольно «механическим» вниманием к перспективам, открывающимся в области семантики как науки о смыслах, их взаимных связях и отталкиваниях, их «системных» эволюциях» [13. С. 8].

Иначе говоря, в силу объективных, исторически сложившихся причин в этимологических словарях представлена преимущественно внешняя реконструкция, которая в современных исследованиях должна быть дополнена (и проверена!) результатами внутренней реконструкции, выполненной на основе системного анализа синхронных языковых отношений. Этого требует развитие ведущей отрасли современной лингвистики – семантики. «Задача семантической реконструкции состоит в том, чтобы объяснить сам факт сочетания этих значений в семантическом поле одной праславянской лексемы, найти мотивировки каждого из них, восстановив те контексты, в которых соответствующее развитие (перенос) значений было бы естественным. Ясно, что с такой задачей может справиться лишь специальное исследование, которое опиралось бы не на голый перечень значений, сформулированных к тому же обычно в самом общем виде, а на подробный анализ контекстов (тем самым и стоящих за ними реальных ситуаций) и особенностей употребления слова в каждом языке» [11. С. 550]. Собственно, на этом неизменно настаивал и Э. Бенвенист, утверждавший, что семантическая реконструкция должна идти «путем внимательного изучения совокупности контекстов» [14. С. 332].

Только опираясь на такую системную синхронно-диахронную, семантическую реконструкцию можно представить отразившееся в языке изменение модели видения мира носителей этого языка. Сложившийся искусственный рубеж и, как следствие, взаимная неинформированность дескриптивного и сравнительно-исторического направлений сказались и в целом на развитии лингвистики, и тормозят развитие интерпретационной когнитивной лингвистики, где-то даже дискредитируя ее результаты. Считая соотношение синхронного и диахронного анализа «узким местом» не только значительной части современных лингвистических исследований с когнитивной аспектацией, но и работ диахронической направленности, полагаем, что шагом в направлении исправления ситуации могло бы стать исправление односторонности общей вузовской подготовки лингвистов.

Необходимость синтеза результатов синхронного и диахронного анализа языкового материала в исследованиях, нацеленных на рассмотрение эволюционных изменений на разных уровнях и фрагментах языковой системы, не отменяет одно из основных требований времен противопоставления по-

соссюровски синхронии и диахронии: не смешивать факты синхронии и диахронии. Это требование остается актуальным и сейчас: не смешивать в анализе, а сопоставлять результаты этих взаимодополняющих подходов к языку.

Сложность встречи на современном этапе синхронной и диахронной лингвистики оценил И.Г. Добродомов (2002) в статье «Еще раз об исторической памяти в языке»: «Укрепившаяся в нашем языкознании традиция противопоставления по-соссюровски синхронии и диахронии носит ущербный характер: два этих подхода вместо взаимного дополнения оказались оторванными друг от друга, что обусловлено не столько принципиальными соображениями, сколько недостаточной осведомленностью синхронистов в истории языка и сосредоточенностью историков языка на динамике исторических процессов в далеком прошлом с редким доведением их до современности, а также невниманием к системному осмыслению современного состояния исторически изменившихся элементов языка и их взаимных отношений» [15. С. 103]. Возможно, название данной статьи не совсем однозначно обозначает ситуацию (синхрония и диахрония: отложенная встреча?), точнее было бы сказать, что теоретически состоявшаяся «встреча» двух подходов к анализу языка имеет еще недостаточный с точки зрения современных требований практический результат.

Теоретический уровень современного языкознания и гуманитарных наук в целом, установки на междисциплинарность исследований, значительные успехи семантики позволяют ставить и решать вопрос о расширении исследовательского поля лингвистики, об антропологической лингвистике, и чаще всего в рамках когнитивной аспектации анализа языкового материала. Но при этом нужно осознавать, что значимость интерпретационной лингвистики (каковой себя позиционирует лингвокогнитивистика) напрямую зависит от того, насколько основательны те синхронные и диахронные построения, на которые она опирается.

Литература

1. Горнунг Б.В. Единство синхронии и диахронии как следствие специфики языковой структуры // Соотношение синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960.
2. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2.
3. Плуменя В.А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36.
4. Топоров В.Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Вопросы языкознания. 1960. № 3.
5. Климов Г.А. Реконструкция и диахроническая интерпретация в компаративистике // Вопросы языкознания. 1988. № 3.
6. Трубачев О.Н. Заметки по старославянской этимологии: *боляринь, врачь* // Труды по этимологии: Слово. История. Культура. М., 2004. Т. 1.
7. Якубович М. Типы первичной мотивации слов со значением 'хороший' и 'плохой' в славянских языках // Ad fontes verborum: Исследования по этимологии и исторической семантике. М., 2006.
8. Трубачев О.Н. Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания. 1980. № 3.
9. Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск, 2006.
10. Никонов В.А. Поиски системы // Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963.

11. *Толстая С.М.* Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике // *Славянское языкознание: XIII Международный съезд славистов.* М., 2003.
12. *Варбот Ж.Ж.* Морфо-семантическое поле лексемы в этимологическом словаре и возможности его реконструкции // *Филологические науки.* 1995. Т. 54, № 4.
13. *Топоров В.Н.* От автора // *Исследования по этимологии и семантике.* Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2005.
14. *Бенвенист Э.* *Общая лингвистика.* М., 1974.
15. *Добродомов И.Г.* Еще раз об исторической памяти в языке // *Вопросы языкознания.* 2002. № 2.